

*В.В. Умнягин (Москва, Россия)*

**Соловки в творчестве советских и несоветских писателей  
(на материале лагерной прозы Я.А. Бухбанд и Б.Н. Ширяева)**

*Аннотация:* Яков Арнольдович Бухбанд (1893–1938) – высокопоставленный сотрудник советских силовых структур, который в феврале-декабре 1933 г. был начальником Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). Позже он описал этот период своей жизни в набросках к неопубликованному роману «Соловки», который в настоящее время находится на хранении в архиве А.М. Горького в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук и недоступен широкому кругу читателей. Борис Николаевич Ширяев (1889–1959) является одним из наиболее известных и плодотворных бытописателей СЛОНа; он начал создавать свои произведения еще во время заключения в 1923–1927 гг. Биографии авторов могут служить визитной карточкой эпохи революционного преобразования общественного строя и самых неожиданных поворотов в судьбе участников этого исторического процесса. Произведения этих людей отражают специфику советской пенитенциарной системы и раскрывают особенности художественной традиции описания Соловецкого архипелага, которая уходит корнями во времена основания беломорской обители и включает разные подходы к художественному осмыслению данного религиозно-исторического места.

*Ключевые слова:* Соловки, Соловецкий лагерь, Бухбанд, Горький, Пришвин, Ширяев, «перековка»

---

*V.V. Umnyagin (Moscow, Russia)*

**Solovki in the Works of Soviet and non-Soviet Writers  
(based on materials of the camp prose of Y.A. Bukhband and B.N. Shiryaev)**

*Abstract:* Yakov Arnol'dovich Bukhband (1893–1938), a high-ranking Soviet prison officer, was the head of Solovetsky Special Purpose Camp in February-December 1933. After relocation to a new place he outlined this period of his life in an unpublished novel "Solovki". Currently, an excerpt of his unfinished work is stored in the Gorky Archive at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, and is not known to a wide range of readers. Boris Nikolayevich Shiryaev (1889–1959) is one of the most famous and prolific writers who described everyday life of the SLON (Solovki Prison Camp). He began his writings during his stay at the camp in 1923–1927. Biographies of these authors can be considered as a benchmark of the revolutionary years. Their works reveal the essence of the soviet penal system and show the peculiarities of

the artistic tradition of describing the Solovetsky archipelago, which goes back to the time of the foundation of the Solovetsky Monastery and includes different approaches to the artistic understanding of this religious and historical place.

*Key words:* Solovki, Solovki Camp, Bukhband, Gorky, Prishvin, Shiryayev, “reforging”

Будущий писатель и революционер Я.А. Бухбанд родился в 1893 г. на территории Австро-Венгерской империи в многодетной еврейской семье. Судя по автобиографическим произведениям, с раннего детства его волновали вопросы социальной справедливости, обусловленные нищенским положением породившей его среды, антисемитизмом, с которым он столкнулся во время службы в армии в годы Первой мировой войны и тяготами русского плена, где австрийский военнослужащий находился в 1915–1917 гг. «Значительный запас ненависти к богатым, антисемитам и русским должен был найти выход и, видимо, нашел после революции», когда «Бухбанд, включается в революционное движение и видит свой долг в физическом уничтожении врагов нового строя»<sup>1</sup>, – пишет автор наиболее подробного на сегодняшний день биографического очерка об этом человеке.

Деятельность Я.А. Бухбанда в качестве сотрудника ВЧК-ОГПУ-НКВД разворачивалась на территории от Кавказа до Амура – и по своей жестокости в чем-то превосходила действия коллег. Некоторые его поступки: его обвиняли в пьянстве, садизме, сведении личных счетов и доведении до самоубийства, – в 1928 г. стали предметом расследования Окружной контрольной комиссии ВКП(б), которая пришла к выводу, что «Т. Бухбандом допущен ряд ошибок – поспешность, нервозность, преувеличение наличия преступлений, чем вводил в заблуждение»<sup>2</sup>.

Получив увольнение с должности начальника Таганрогского отдела ОГПУ, Я.А. Бухбанд продолжил службу в Забайкалье, где отметился раскрытием «контрреволюционной монархической организации» во главе с прославленным в лике святых архиепископом Евсевием (Рождественским). Затем, после кратковременного пребывания в Средней Азии и на Соловках, его перевели в Крым.

Здесь, практически вплоть до ареста в июне 1937 г. по обвинению в участии в «правотроцкистской террористической организации» и последующего за ним расстрела, Я.А. Бухбанд не только был начальником Управления рабоче-крестьянской милиции Управления НКВД по Крымской АССР, но и возглавлял Крымское отделение Союза писателей СССР. Именно в это время увидели свет его книги: «Переводка» (1934), «Перебежчик» (1935), «Путь солдата» (1936), а также была написана пьеса «Последний пир» (1936), ставшая продолжением более ранних драматургических опытов: «Расправа» (1924), «Полковник Лавров» (1925), «Борьба» (1932).

\*\*\*

Отрывок романа «Соловки», который датируется 1936 г. и не упоминается в справочных материалах, хранится в архиве А.М. Горького в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> *Жирнов Е.П.* Любил участвовать в исполнении смертных приговоров // Коммерсант-Власть. 2010. № 50. С. 73.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> *Бухбанд Я.А.* Соловки. Архив А.М. Горького. Рав-пГ 7-11-2. 1936. 36 л. Автор благодарит директора ИМЛИ РАН В.В. Полонского и сотрудницу Архива А.М. Горького ИМЛИ РАН Л.Г. Жуховицкую за разыскание и предоставление фрагмента романа «Соловки» Я.А. Бухбанда.

Корректорские пометы на полях машинописного текста свидетельствуют о его прочтении и напоминают об интересе пролетарского писателя к творчеству Я.А. Бухбанда, которого М. Горький знал и хвалил.

Но интерес к произведению автора, для которого русский язык, судя по всему, так и не стал родным, а литературные способности вызывают сомнения, объясняется не только личными симпатиями. Летом 1928 г. М. Горький лично посетил Соловки, описав свой визит в одноименном очерке, который вошел в цикл, публиковавшийся в журнале «Наши достижения» в 1929 г. с января по декабрь под общим заголовком «По стране Советов». Именно этот текст содержит известную фразу: «Мне кажется – вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки...»<sup>1</sup>, – которая до сих пор вызывает полемику и дает повод для осуждения политических и гражданских взглядов писателя.

Между тем такие взгляды стали плодом многолетних идейных исканий и сформировались задолго до 1917 г., почему их нельзя считать прямым заигрыванием с пришедшими к власти большевиками. Опыт СЛОНа и других мест «перековки», к которым после возвращения в СССР проявлял интерес М. Горький, был должен служить доказательством его убеждений. А именно того, что «нормальные условия быта, существование в коллективе, перед которым поставлена цель самостоятельно создать эти условия, приведут к нравственному выздоровлению тех, кого прежний режим превращал в преступников»<sup>2</sup>.

Практический опыт начальника лагеря, почерпнутый Я.А. Бухбандом из близкого общения с заключенными и перенесенный им на страницы незаконченного романа, с одной стороны, а с другой – теоретические установки всемирно известного гуманиста, который, судя по всему, с основными мыслями произведения соглашался, должны были друг друга обосновывать и дополнять.

Указанную идеологическую установку и согласие жизненных принципов подтверждает тот факт, что все перевоспитавшиеся рецидивисты из романа «Соловки», которые «приезжали на острова озлобленными, ненавидящими чекистов»<sup>3</sup>, стали уголовными преступниками не по своей вине. У одного бандита отец попал в тюрьму после кражи дерева из леса помещика, родитель другой оказался на каторге после убийства заводского мастера, который заразил мать и тетку заключенного венерическим заболеванием, отец третьего стал инвалидом из-за непосильного труда в грузовом порту. Во всех случаях потеря кормильца толкала оставшихся членов семьи в криминальную среду, с которой они решительно рвали на Соловках под чутким присмотром сотрудников ОГПУ.

\*\*\*

Добавим, что тема перевоспитания обитателей тюрем и лагерей, а также критика дореволюционного российского общества в пропагандистской литературе 1920–1930-х гг. предполагала обязательный антирелигиозный акцент. В очерке «Соловки» М. Горький не только открыто восхвалял советскую лагерную систему, но и пускался в рассуждения по поводу идеалов и смысла монашеской жизни с целью разрушить в глазах читателя «иллюзии» в отношении иночества, а самих монахов представить в качестве развращенных, склонных ко всем возможным по-

<sup>1</sup> Горький М. По стране Советов. V. Соловки // Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. Т. 20. М.: ИМЛИ РАН, 1974. С. 205.

<sup>2</sup> Певак Е.А. Идеалисты в стране Советов // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь. Т. 4. Изд. Соловецкого монастыря, 2016. С. 130.

<sup>3</sup> Бухбанд Я.А. Соловки. Л. 11.

рокам людей: «Труды и молитвы монашества нимало не мешали ему дополнять “Декамерон” Боккачио, и нигде не слышал я таких жирных, так круто посоленных рассказов о “науке любви”, как в монастырях»<sup>1</sup>.

Те же мысли звучат в рассказе М.М. Пришвина, который посетил СЛОН в 1933 г. в бытность правления Я.А. Бухбанда, окрестив его в своем дневнике «патефоном и балалайкой». Несмотря на достаточно своеобразный отзыв о начальнике лагеря, проводимая под его руководством «перековка» заключенных вызывала у именитого литератора полную поддержку и одобрение. Так, в основе пришвинского рассказа «“Ударник” и “Клара”», который вошел в цикл «Колобок» (1936), лежит история родившей в лагере монахини. Скандальный сюжет дополняет ироничное повествование о сектантах в связи с тем, что одна из принадлежавших к их числу девушек отказалась от своих религиозных убеждений в обмен на короткую юбку и возможность предаваться утехам свободной любви с «перевоспитавшим» ее сотрудником культурно-воспитательной части<sup>2</sup>.

\* \* \*

Упомянутые произведения были не только реакцией на «отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата-диктатора и советской общественности в квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда»<sup>3</sup>, как писал о процессе «перековки» сам М. Горький в книге о строительстве Беломорско-Балтийского канала (ББК).

Художественные опыты писателей, посетивших СЛОН по приглашению ОГПУ, стали карикатурным завершением литературной традиции описания беломорских островов, которая берет начало в середине XIX в. Именно тогда авторы из числа образованной публики начинают видеть в монастырской жизни анахронизм, предание ненужной, давно отжившей старины и оправляются на Соловки либо по вынужденной необходимости, либо из чисто этнографического интереса, о чем свидетельствуют названия путевых отчетов<sup>4</sup>.

Восприятие архипелага у этих людей сродни восприятию чужеземцев, в записках которых «преобладают описания хозяйственных служб и построек монастыря, а не храмов, часовен и т. п.», тогда как «религиозность, православие, христианство в произведениях иностранцев оказываются на втором месте»<sup>5</sup>.

С таким отношением к жизни даже служебное посещение Соловков могло рассматриваться едва ли не в качестве наказания. «Я остался один, и, Бог весть, сколько темных, нерадостных мыслей пришло мне на ту пору в голову. Вот куда, думалось мне на тот раз, забросила меня капризная, темная судьба, вопреки всех предположений и мечтаний. Это, казалось мне, грань крайняя: дальше идти было

<sup>1</sup> Горький М. По стране Советов. V. Соловки. С. 205.

<sup>2</sup> Пришвин М.М. «Ударник» и «Клара» // Колобок. Архангельск: ОГИЗ. Северное краевое издательство, 1936. С. 70–79.

<sup>3</sup> Горький М. Правда социализма // Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: Государственное издательство «Строительство фабрик и заводов», 1934. С. 11.

<sup>4</sup> Фомин А. Описание Белого моря с его берегами и островами. СПб., 1797; Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России. СПб., 1868; Уланов В. Из экскурсионных впечатлений // Вестник воспитания. 1910. № 1. С. 184; Энгельмейер А. По русскому и скандинавскому Северу. СПб., 1902; Яшинов А.И. По русскому Северу. Из впечатлений туриста. Н. Новгород, 1913 и др.

<sup>5</sup> Яковлев С.А. Соловецкий архипелаг в воспоминаниях путешественников-иностранцев XVIII – начала XX в. // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 4. С. 33.

можно, но уже недалеко»<sup>1</sup>, – передавал свои впечатления от посещения Соловецкого монастыря С.В. Максимов, который прибыл сюда в 1856 г. по поручению российского морского ведомства.

Записки В.И. Немировича-Данченко, посетившего Соловки в 1872 г., сквозят неприкрытой иронией, всё во время путешествия воспринимается им в шуточном ключе. Воспоминания указывают на парадоксальное несоответствие между вызывающими похвалу монашескими трудами и непониманием определяющей их первопричины, что видно на примере размышлений спутников писателя. Отмечая очевидные достижения насельников, эти просвещенные люди сетуют на аскетизм как единственный недостаток местной общины, признавая на словах, но, видимо, не до конца отдавая отчет в том, что «до сих пор все рабочие общины оказывались прочными только тогда, когда в основу их положено религиозное начало»<sup>2</sup>.

Построена на критике и работа доктора медицины П.Ф. Федорова, который прибыл на Соловки в 1885 г. Рассуждая о побудительных причинах богомолья, автор настаивал на том, что в его время монастырь поддерживает лишь формальное благочестие, тогда как «духовно-нравственная сторона учения Христа-Спасителя стоит на заднем плане и совершенно заслоняется этой обрядностью»<sup>3</sup>.

Еще более сурово судил о кинонии и ее насельниках автор книги «Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.» М.А. Колчин, произведение которого увидело свет в выпусках «Русской старины» за 1887–1888 гг. и вышло отдельным изданием в 1908 г., через несколько лет после смерти автора. Сын священника, он принимал участие в подготовке антиправительственного журнала, за что был отчислен из духовной семинарии. Спустя два года, в 1876 г., молодой человек подвергся аресту за связь с революционным движением и в качестве фельдшера был отправлен на Соловки, где увидел: «Пустынный, крайсветный остров с мрачною природою, с кучкою суровых, отшатнувшихся от мира людей, кругом нелюдимое море, две трети года покрытое льдами... тишина, словно в мертвом царстве, только однообразный звон колоколов да зловещее карканье воронов нарушают тишину этого мертвого царства; страшная, доводящая до иступления тоска. Вы здесь не услышите ни звонкого, ласкающего слух женского голоса, ни веселящего детского лепета, ни песни, то заунывной, то разгульной, но одинаково захватывающей душу русского человека»<sup>4</sup>.

В 1905 г. появилась книга С.Д. Протопопова<sup>5</sup>, который писал о многом таком, «на что богомольцы не обращали внимания: о клопах, грязных диванах, об умывальниках в гостиницах только в отхожих местах с дощечкой “Сортир” и со стенами в них, замаранными “сынами отечества” еще с 1880 г.; о ценах за проезд от кремля до Реболды и за поминовение; об эксплуатации “трудников”, “дурном” климате, серой панораме вдоль дорог...»<sup>6</sup>.

Совокупность идей, вытекающих из антироссийской и антирелигиозной пропаганды, и связанное с ней оправдание существования концлагеря на террито-

<sup>1</sup> Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. С. 119–120.

<sup>2</sup> Немирович-Данченко В.И. Соловки: воспоминания и рассказы. 4-е изд. Киев: Изд. книгопродавца-издателя Ф.А. Иогансона, 1892. С. 347–348.

<sup>3</sup> Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889. С. 137.

<sup>4</sup> Колчин М.А. Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М.: Посредник, 1908. С. 5–6.

<sup>5</sup> Протопопов Д.С. Из поездки в Соловецкий монастырь. М.: Типография Сытина, 1905. 51 с.

<sup>6</sup> Розанов М.М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанам: В 3 кн. // Воспоминания соловецких узников. Т. 6. Изд. Соловецкого монастыря, 2018. С. 125–126.

рии разоренной обители в качестве места формирования нового человека находят свое отражение в романе Я.А. Бухбанда.

\* \* \*

Прежде чем перейти к разбору произведения, напомним, что в период пребывания его автора на Соловках, СЛОН был реорганизован в спецлагерь «для содержания контингентов заключенных по особым инструкциям»<sup>1</sup>, который появился в декабре 1933 г.

Утратив автономию и превратившись в штрафной придаток ББК, СЛАГ ОГПУ стал местом содержания нарушителей режима и склонных к побегу арестантов, массовое перевоспитание которых вызывало сомнения у соловецких узников. Многие из них в принципе не верили в исправление уголовных преступников, хотя и не отрицали того, что среди тех встречались незаурядные и по своему порядочные личности. У подавляющего большинства лагерных мемуаристов непосредственный контакт с криминальной прослойкой вызывал культурный шок, отягощенный осознанием масштаба социальных процессов, определявших ее существование. «Из всех человеческих чувств у них, видимо, осталось только одно – солидарность волчьей стаи, с детства выкинутой из всякого человеческого общества, – писал И.Л. Солоневич. – Едва ли какая-либо другая страна и другая эпоха может похвастаться наличием миллионной армии людей, оторванных от всякой социальной базы, лишенных всякого социального чувства, всякой морали»<sup>2</sup>.

В глазах политических заключенных профессиональные преступники были олицетворением победившей в стране идеологии и порождаемой ею системы ценностей, которая заметно контрастировала с нормами и обычаями недавнего прошлого. Рассматривая наиболее употребительное значение слова «блат» как «протекция, пособничество, знакомство», профессор В.В. Чернавин подчеркивал, что «это и своеобразная система, определяющая все отношения в лагере», начало же этой системы, по мнению профессора ихтиологии, «заложено в самом ГПУ, оно ею пронизано сверху донизу, и от него ею заражены и лагеря»<sup>3</sup>.

Проводя подобные параллели, многие мемуаристы имели в виду «кровное» родство «блатных» и местного начальства, а их сотрудничество бросалось в глаза любому стороннему наблюдателю. Сын историка Г.О. Гордона, прибывший на Соловки летом 1931 г. вспоминал: «...самая многочисленная категория <лагерного персонала> носила однотонные серо-зеленые фуражки с упомянутой надписью, литографированной на дугообразной металлической пластинке миллиметров в сорок длиной и пятнадцать шириной, закрепленной на месте кокарды. Это были заключенные из уголовных, точнее, из “социально-близких”, как они официально именовались (в отличие от осужденных по 58 ст. (контрреволюция) “социально-чуждых”), добровольно служившие в охране и глубоко презираемые остальными заключенными»<sup>4</sup>.

Проводимая кадровая политика имела известные последствия. Во-первых, пенитенциарные учреждения переставали исполнять свою главную задачу – исправлять преступивших закон людей, так как «преступники не могут исправлять

<sup>1</sup> Приказ ОГПУ №00381 «О расформировании Соловецких исправительно-трудовых лагерей ОГПУ» // Петров Н.В. История империи ГУЛАГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.pseudology.org/GULAG/Glava06.htm](http://www.pseudology.org/GULAG/Glava06.htm) (дата обращения: 02.09.2018).

<sup>2</sup> Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: Римис, 2005. С. 66.

<sup>3</sup> Чернавин В.В. Записки «вредителя». СПб.: Канон, 1999. С. 269.

<sup>4</sup> Гордон Г.Г. «Настоящая семья была у нас только два с половиной года...» // Соловецкий вестник. 1994. № 10–11. С. 5.

преступников»; во-вторых, места лишения свободы окончательно превращались в «школу по подготовке квалифицированных преступников»<sup>1</sup>.

Слова генерала И.М. Зайцева полностью подтвердились спустя несколько лет, когда, чувствуя снисходительное отношение к творимым беззакониям, бандиты начали без меры угнетать остальных заключенных, что, в конце концов, были вынуждены признать даже в центральных органах власти. «Группа заключенных на островах уголовников, при попустительстве и способствовании лагерного аппарата в течение продолжительного времени <осень 1931 г. – вторая половина 1932 г.> производя систематически кражи, избиения заключенных и надзорсостава, грабежи, пьянство, картежную игру, членовредительство, поножовщину и т. д., выросла в явно бандитскую группу, совершенно терроризировав остальное лагерное население»<sup>2</sup>.

Судя по всему, Я.А. Бухбанда перевели на Соловки именно для ликвидации царившего там уголовного произвола, который, по мнению нового начальника, был спровоцирован близким общением чекистов с представителями враждебных классов. «Между тем войдите в любой отдел, и вашему вниманию предстанет всюду одна картина – грань между отдельными кадровыми и вольнонаемными работниками и заключенными контрреволюционерами, сидящими в аппарате, стерлась. <...> Не стирать различия между чекистом и контрреволюционером, а, наоборот, показать и сохранить его так, как оно есть, и так, как оно должно быть, ибо при таких теплых взаимоотношениях неизбежно срастание вольнонаемного состава с заключенными, неизбежна потеря классовой линии и чутья кадровым составом, а этого мы допустить не можем»<sup>3</sup>, – говорил он во время выступления перед местным партактивом в июле 1933 г.

\* \* \*

Представленная Я.А. Бухбандом картина лагерной жизни не лишена бытовой правдоподобности, но в целом значительно отличается от того, что мы знаем о Соловках по воспоминаниям заключенных. Бывший начальник ни слова не пишет о тяготах общих работ, бесчинствах комсостава или массовом голоде, который отмечали сидельцы 1930-х гг. «Коты в лагере исчезли: их съели. Когда исхудалаля сучка, не имевшая хозяина и бродившая по лагерю в поисках поживы на свалках, привела однажды щенков, так и те все вдруг оказались в котелках оголодалых заключенных»<sup>4</sup>, – вспоминал об этом времени Ф.К. Олехнович. «Как я сравню с тем, что раньше-то было, когда меня в 1932 году привезли, голод такой был! – передавал Ю.И. Чирков слова лагерного сторожила. – Не приведи Господь, как жив остался! Днями хлеба не давали, а работать заставляли, и работа такая была: один яму копает, другой же ее засыпает потом. Это значит, чтобы чувствовали, что не к теще приехали на блины, а на тяжелое наказание. Урки людей ловили да ели. А сейчас хорошо живем. В 34-м порядок навели»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> *Зайцев И.М.* Соловки // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Изд. Соловецкого монастыря, 2014. С. 266–267.

<sup>2</sup> Приказ начальника ГУЛАГа ОГПУ с объявлением приговора Коллегии ОГПУ по делу о бандитизме и разложении аппарата в Соловецком отделении СЛАГ ОГПУ от 17 марта 1933 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010308 (дата обращения: 02.09.2018).

<sup>3</sup> ГУЛАГ в Карелии: сб. док. и материалов. 1930–1941. Петрозаводск, 1992. С. 66.

<sup>4</sup> *Олехнович Ф.К.* В когтях ГПУ // Воспоминания соловецких узников. Т.5. Изд. Соловецкого монастыря, 2017. С. 569.

<sup>5</sup> *Чирков Ю.И.* А было так... М.: Политиздат, 1991. С. 14.

В отрывке романа «Соловки» несознательные заключенные отказываются работать исключительно по принципиальным соображениям, чекисты по-отечески наставляют матерых преступников, а те перед началом общего собрания ведут непринужденные разговоры в фойе театра, поедают бутерброды и завязывают романтические отношения.

При чтении подобных пассажей, как и при просмотре документального фильма «Соловки» (1928), остается непонятным, что, собственно, не устраивало всех этих людей в лагере – разве что отсутствие наркотиков и алкоголя, на что сетовали несознательные рецидивисты, и почему все герои произведения так торопились покинуть это место.

Между тем действие романа начинается с наступлением весны, когда взгляды всех островитян устремлены в открытое море, откуда должен прийти пароход «СЛОН» с приказами о досрочном освобождении перевоспитавшихся преступников, готовых уехать «туда, где строится счастливая жизнь»<sup>1</sup>.

Описанная мизансцена предполагает, что за спиной жаждущих освобождения арестантов остается обитель, именуемая автором «вековой цитаделью фанатизма»<sup>2</sup>.

«Мрачные башни монастыря» с ползущей по ним «красно-рыжей ржавчиной»<sup>3</sup> призваны символизировать все самое худшее в истории страны и в прошлом новых насельников архипелага, перечисляя которых Я.А. Бухбанд упоминает «бывших князей и белогвардейцев, спекулянтов и аферистов, шпионов и диверсантов, бандитов, воров и проституток»<sup>4</sup>.

Позже к ним добавляются «инженеры и агрономы-вредители, шпионы, диверсанты и террористы, пробравшиеся в Советский союз для подрыва социалистического строительства; растратчики и взяточники, деревенские кулаки и городские контрреволюционеры, бандиты, воры, содержательницы притонов и проститутки-воровки»<sup>5</sup>.

Обращает внимание, что первыми в обоих списках следуют политические заключенные из числа «бывших людей», или, «соцвреды»<sup>6</sup>, которые чаще всего представлены в обезличенном виде: «Гордый барин и офицер личного конвоя бывшего его императорского величества»<sup>7</sup>, «укрававший церковные ценности священник»<sup>8</sup>, «бывший банкир»<sup>9</sup>. Словесные портреты представителей враждебных классов носят уничижительный характер и не вызывают ни малейшей симпатии: «Мы н-ни-куда. Мы п-просто п-п-прогуливаемся, – боясь вооруженного лагерника из “низов”, заикаясь, ответил старый барин»<sup>10</sup>.

На протяжении всего отрывка писатель подчеркивает процветающую в лагере социальную конфронтацию, которая проявляется в скабрёзных шутках «шпаны» и высокопарных диалогах политических заключенных.

...хорошо одетый мужчина снял пенсне и спросил у своего соседа, низенького старичка с седой козлиной бородкой.

<sup>1</sup> Бухбанд Я.А. Соловки. Л. 12.

<sup>2</sup> Там же. С. Л. 3.

<sup>3</sup> Там же. С. Л. 1.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. Л. 24.

<sup>6</sup> Там же. Л. 9.

<sup>7</sup> Там же. Л. 3.

<sup>8</sup> Там же. Л. 9.

<sup>9</sup> Там же. Л. 11.

<sup>10</sup> Там же. Л. 3.



- Неужели, Александр Иванович, нам придется жить вместе с этими отбросами общества?
- Видимо...
- Но это не возможно.
- Возможно... Они здесь в большем почете, чем мы с вами... Про-ле-та-ри-и...
- Я готов провалиться...
- На Соловецких островах проваливаться некуда. При большом желании можно нырнуть в Белое море.
- Вы, Александр Иванович, все со своими шуточками. Инженера сажают вместе с ворами, а вы...
- Я вижу, Петр Сергеевич, вас это больше мучает, чем то, что вам придется прожить на Соловках 10 лет. К-хе! К-хе!»<sup>1</sup>

\* \* \*

Я.А. Бухбанд явно гнушается представителями отжившей эпохи. Для них у него нет ни оправдания, ни снисхождения, ни каких-либо жизненных перспектив. Все внимание писателя сосредоточено на «своих»<sup>2</sup>, социально близких советской власти заключенных, которые на деле лишены жизни и необходимы автору лишь для того, чтобы озвучить известный набор идеологических клише.

Согласно духу времени переживания литературных персонажей подчинены задачам коммунистического строительства, а место морали в их сознании занимает классовая вражда, которая на протяжении десятилетий составляла основу советской социальной педагогики. «Важной чертой идеала коммунистической нравственности является ненависть к империалистам и их лакеям, всем тем, кто сеет семена человеконенавистничества, расовой и национальной вражды и войны. Эта ненависть – священное, благородное чувство, оно возвышает человека»<sup>3</sup>, – писал В.А. Сухомлинский в книге «Нравственный идеал молодого поколения».

Один из героев отрывка, 29-летний рецидивист Прохоров, который с оружием в руках охраняет вход в Святые врата обители, в преддверии досрочного освобождения вспоминает события лагерной жизни. Романист сообщает о том, что, посещая устраиваемые для заключенных лекции, «с каким-то большим упорством Прохоров вникал в историю Соловецкого монастыря»<sup>4</sup>. Результатом осмысления полученной политинформации становится обвинительный вердикт, согласно которому не только Соловецкая обитель, но вся Церковь представляется «верной защитницей крепостного права»<sup>5</sup>.

Перебирая в голове имена пострадавших от самодержавия священников Федора Померанцева и Ивана Яхонтова, выступивших в середине XIX в. зачинщиками крестьянских восстаний в разных уголках страны, Прохоров умалчивает о том, что, несмотря на очевидный состав преступления, в отличие узников XX в., эти люди сравнительно недолго пребывали в соловецкой тюрьме.

Встретив в лагере родную сестру, заключенный убеждает ее в том, что «башни и казематы сохраняются на Соловках как памятники страшного прошлого»<sup>6</sup>, тогда как сейчас даже «штрафная рота находится в хорошем жилом помещении»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Там же. Л. 29.

<sup>2</sup> Там же. Л. 10.

<sup>3</sup> Сухомлинский В.А. Нравственный идеал молодого поколения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. С. 103.

<sup>4</sup> Бухбанд Я.А. Соловки. Л. 4.

<sup>5</sup> Там же. Л. 5.

<sup>6</sup> Там же. Л. 27.

<sup>7</sup> Там же.

\*\*\*

Помимо лекций по истории, уважение Прохорова вызывает организованная для заключенных читальня. После прочтения повести «Мать» приходит к исправлению «бандит с двадцатилетним тюремным стажем» Пушкарь, который, по собственному признанию, «мокрыми делами занимался, пятерых убил»<sup>1</sup>.

Книгу он получает из рук командира соловецкого полка И.Я. Сухова, который «прекрасно знал биографию и неплохо изучил характер Пушкаря. Когда он давал бандиту книгу Максима Горького, у него была надежда, может быть она подействует на сознание, эта – еще неиспробованная сила»<sup>2</sup>. Сила печатного слова оказывает настолько мощное воздействие, что заматеревший преступник, который до этого два года решительно отказывался от исправления, соглашается выйти на работу. Он даже обещает убедить в этом других отказчиков, что и происходит во время общего собрания, на которое заключенные «с веселыми шутками и звонкими песнями»<sup>3</sup> под светом ярких звезд сходятся со всех концов лагеря.

Главным событием собрания и, пожалуй, центральной сценой дошедшего до нас отрывка становится публичная исповедь Пушкаря. Эпизод призван указать на глубину исправления заматеревшего преступника, который рассказывает о своем прошлом со всеми ужасающими подробностями. Происходящее напоминает жития святых (прп. Моисей Мурин) или народные легенды (Кудеяр), где показаны примеры покаяния «лютых разбойников» под действием божественной благодати, место которой в романе «Соловки» заменяют партийные лозунги.

\*\*\*

Совсем иначе думали о преображении человеческих душ сами заключенные, в частности Б.Н. Ширяев. Сын крупного помещика-землевладельца он родился в Москве в 1889 г. После гимназии будущий писатель с отличием окончил историко-филологический факультет Московского университета. Проходил практику в Германии, впоследствии преподавал, в 1911 г. выпустил сборник стихов «Ранние сумерки». Реализации поэтического таланта и педагогической деятельности помешала Первая мировая война. В самом ее начале литератор добровольцем ушел на фронт, где служил на передовой в 17-м Черниговском гусарском полку. После развала армии в звании корнета он вернулся в Москву, выпустил очередной стихотворный сборник «Красные маки» (1917). С началом Гражданской войны Б.Н. Ширяев переехал на Юг России, где воевал в Добровольческой армии, а затем – после ареста и побега из тюрьмы – в рядах антибольшевистского движения в Средней Азии. Возвращение домой в 1922 г. ознаменовалось выпуском третьего сборника стихов («Раздолье»), очередным арестом и смертным приговором, который был заменен десятилетним лагерным сроком.

После досрочного освобождения за активное сотрудничество с культурными учреждениями СЛОНа писатель был переведен в среднеазиатскую ссылку. Здесь он печатался в местных газетах, преподавал в Ташкентском университете и даже опубликовал научный труд «Наднациональное государство на территории Евразии» в парижском альманахе «Евразийская хроника».

Возвращение в Москву было омрачено в 1933 г. арестом и ссылкой в Воронежскую область, где Б.Н. Ширяев едва не погиб от истощения. После освобождения

<sup>1</sup> Бухбанд Я.А. Соловки. Л. 8.

<sup>2</sup> Там же. Л. 9.

<sup>3</sup> Там же. Л. 11.

он переехал в Ставрополь (тогда Ворошиловск). В городе писатель преподавал в педагогическом институте и вскоре женился на студентке Нине Ивановне Капровой. В 1938 г. в семье родился единственный сын Лоллий.

В годы немецкой оккупации Б.Н. Ширяев занимал должность редактора ставропольской газеты «Утро Кавказа», затем симферопольского издания «Голос Крыма», гастролировал в качестве антисоветского лектора по Крыму и Балканам. Описанию военных лет посвящен роман «Кудеяров дуб» (1958), в котором автор подробно останавливается на причинах собственного коллаборационизма. С отступлением немецких войск Ширяевы покинули Россию и через Балканы и территорию Германии, переправились в Италию, где глава семьи несколько месяцев издавал газету «Казачья земля» при штабе армии генерала Т.И. Доманова.

Жизнь в изгнании подробно описана самим мемуаристом и делится на несколько этапов, связанных с пребыванием на Апеннинах и в Аргентине, куда он на некоторое время переехал из-за опасения выдачи советским властям. Итальянский период ознаменовался сотрудничеством с русскими католиками и возможным переходом в западное христианство. Скончался Б.Н. Ширяев 17 апреля 1959 г. в предместье Сан-Ремо.

\* \* \*

Свои произведения 1920-х гг. Б.Н. Ширяев создавал для лагерных изданий, которые появились по распоряжению соловецкого начальства в целях оправдания собственной деятельности. «Идеи журнала, газеты, театра и пр. были идеи начальников лагеря, хотевших представить СЛОН исправительным раем»<sup>1</sup>, – писал Д.С. Лихачев, отмечая, впрочем, что «они не только спасли жизнь многим интеллигентным людям, но позволили не прекращать до известной степени жить умственной жизнью»<sup>2</sup>.

В повести «Сыр» природно-архитектурный ландшафт, как и новые обитатели архипелага, вызывают у писателя отторжение, резкую, буквально физиологическую неприязнь: «Из открытого второго этажа кларнет в сотый раз выдувает тухлым истошным голосом одну и ту же намозоленную музыкальную фразу. <...> Будничное небо в мутных пятнах пролитых облаков неприбранною скатертью виснет над скопищем человеческих полипов»<sup>3</sup>.

Отношение к собранным на Соловках людям как к малопривлекательной и годной лишь на уничтожение массе в те годы буквально витало в воздухе, что было очевидным не только для организаторов пенитенциарии, но и для самих заключенных. «Новая партия, новый сгусток человекообразных существ без прошлого, настоящего и будущего, – отзывается о пребывающем этапе Мефистофель соловецкого ада, который презрительно сравнивает узников с заплесневевшим и дурно пахнущим Камамбером. – Смотрели вы на сыр в микроскоп, генерал? О, он не мертв. Он полон живых, копошащихся, пожирающих друг друга, извергающих переваренное и вновь заглатывающих его, совокупающихся, плодящихся, умирающих и вновь оживающих существ. <...> Черви, осьминоги, скорпионы, пауки, спруты, все отвратительное, позорящее природу сочеталось в этих существах»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Лихачев Д.С. Автографы из книги «Неугасимая лампада» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [likhachev.lfond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm](http://likhachev.lfond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm) (дата обращения: 09.02.2018).

<sup>2</sup> Лихачев Д.С. Воспоминания // Воспоминания соловецких узников. Т. 4. Изд. Соловецкого монастыря, 2016. С. 408.

<sup>3</sup> Ширяев Б.Н. Сыр // Соловецкие острова. 1926. №5. С. 9.

<sup>4</sup> Там же. С. 11.

На первый взгляд, создается впечатление, что заключенный литератор пишет под диктовку лагерного руководства, ратующего за скорейшее искоренение любых рудиментов, да и самих представителей старого мира. Но, обращаясь к другим художественным произведениям Б.Н. Ширяева того же периода, мы понимаем, что, описывая окружающую его действительность, он смотрел на нее через призму совсем иных ценностей.

Аксиологическая перспектива раскрывается в небольших по объему зарисовках, которые отличает заметная стилизация и элементы пейзажной лирики. Они рассказывают о рецидивистах и падших женщинах, монахах и незадачливых, но по-своему выдающихся «контрреволюционерах» из числа «бывших» людей.

Московский вор-карманник Васька Жгун («Густая тишь»<sup>1</sup>) случайно, шутки ради, попадает в рыболовецкую артель, где узнает правду жизни в монолитном, спянном тяжелым трудом коллективе тружеников моря. Образ ловцов рыбы, многозначительный сам по себе и предполагающий массу возможных интерпретаций, является и ярким соловецким образом: основатели беломорской обители, преподобные Зосима и Савватий, испокон веков почитаются как покровители рыболовства – важнейшего промысла жителей Северного Поморья. Сохранился этот промысел и в лагерное время.

В «Неугасимой лампаде» (1954) одна из рыболовецких артелей упоминается в главе «Сказы камней», где идет речь о чудесном спасении военкома И.Я. Сухова. Основу артели составляли оставленные на архипелаге вольнонаемные монахи и заключенное духовенство, во главе которого стоял священномученик Иларион (Троицкий). Известна шутка этого прославленного иерарха и выдающегося богослова: «Вся подает Дух Святой: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот – богословцы рыбаки показа», которой тот указывал на возможность самых неожиданных перемен в судьбах людей, примером чего можно считать и описанный Б.Н. Ширяевым случай с Васькой Жгуном.

Меняется на Соловках и бывшая обительница московской панели («Тетрадь “Соньки-Глазка”»), которая в лагере становится поэтессой и выводит в ученической тетрадке незадачливые вирши о своем уличном ремесле. В обоих случаях есть соблазн заподозрить Б.Н. Ширяева в исполнении социального заказа, требующего отражать на страницах местной периодики примеры «перековки». В случае с Сонькой-Глазкой такому предположению противоречит ироничный тон изложения, да и содержание ее поэтических опусов, далеких от пролетарской тематики и пропагандистского настроения: «Поэма длинна, около 30 четверостиший, и абсолютно лишена того, что принято называть “пикантным”. Это только протокол. Сухой и четкий быт, факты и цифры. Недаром, когда я, читая вслух, ошибался, путаясь в незнакомом безграмотном почерке, Сонька деловито, без тени улыбки поправляла меня. Она только описала добросовестно и точно, как могла. И для нее все “сало” ушло на смазку “профессиональной” машины»<sup>2</sup>.

Истинный, неподвластный лагерному начальству смысл «перековки» раскрывается в наиболее зрелом произведении писателя «Неугасимой лампаде». Такой смысл связывается в книге с погружением заключенной в новую для нее культурную среду и в ту удивительную духовную атмосферу, которая веками складывалась в стенах упраздненной советской властью, но не утратившего своего

<sup>1</sup> Аккеревич А. [Б. Н. Ширяев] Густая тишь / Публ., вступ. ст. М.Г. Талалай; прим. и посл. В.В. Умнягин // Восток Свьше. 2017. №3(44)С. 76–82.

<sup>2</sup> Ширяев Б.Н. Тетрадь «Соньки-Глазка» // Там же. С. 83.

первоначального предназначения монастыря. Сонька-Глазок упоминается в книге несколько раз: «Гибкая и стройная, как танагрская статуэтка, под хрустальную россыпь Моцарта», она полностью перевоплощается в подлинную Манон Леско в постановке лагерного театра<sup>1</sup>. В главе «Фрейлина трех императриц» вчерашняя грешница говееет на Страстной седмице и тайно причащается из рук заключенного священника. Позже она добровольно отправляется ухаживать за больными в тифозный изолятор и уже «не выходит из барака смерти»<sup>2</sup>.

Не исключено, что героиня обоих произведений является собирательным персонажем, что с уверенностью можно сказать о некоторых других героях «Неугасимой лампы». Но с не меньшей уверенностью можно утверждать и то, что она отнюдь не лишена правдоподобия, и по замыслу писателя отражает в своей литературной судьбе скрытую в любом человеке способность к чудесному преображению.

Другим примером внутренней метаморфозы выступает иеромонах Ардалион из рассказа «Болотный попик»<sup>3</sup>, название которого отсылает читателя к одноименному стихотворению А. Блока. К моменту встречи с автором герой произведения уже четверть века провел на Соловках. Прибыл он сюда юношей согласно многовековой традиции в качестве трудника-годовика, а после окончания обета решил остаться в монастыре для того, чтобы слиться с местом, где XV столетие сливается с XX, стать плотью от плоти соловецких камней. Отнюдь не случайной деталью повествования можно считать то, что начало своего иноческого жития монах отсчитывает от престольного праздника Спасо-Преображенской обители, ставшей местом судьбоносных изменений для многих поколений русских людей.

Гексалогия «Юродцы в сумерках» начинается с эпиграфа Н.А. Клюева – еще одного соловецкого трудника и летописца, близкого Б.Н. Ширяеву по духу своего поэтического подхода, нацеленного на выявление образа Божьего в человеке. «Я же ищу в людях лика и венца над головой... Лику кланяюсь и венца трепещу. Так и живу, радуясь тихо... Да знаменуется и на мне грешном свет от Лика Единого»<sup>4</sup>, – писал поэт в декабре 1922 г., предваряя и побуждая созвучные искания Б.Н. Ширяева в окружающих его новых невольных насельниках Соловецкого монастыря.

На первый взгляд, образы этих людей могут показаться еще менее реальными, чем упомянутые Васька, Сонька или отец Ардалион, хотя в героях рассказов легко узнаются известные по «Неугасимой лампе» поэт Борис Емельянов («Анахронический заскок»<sup>5</sup>) и первый режиссер лагерного театра Иван Андреевич Арманов («Улиткины рожки»<sup>6</sup>).

Другие герои лагерных произведений Б.Н. Ширяева вообще лишены имен («Бродяжья абевага»<sup>7</sup>, «Жалостная чертовщинка»<sup>8</sup>) или носят нарицательные имена: Вертер («Ду-ду в елани»<sup>9</sup>), Мюнхгаузен («Соловецкий Мюнхгаузен»<sup>10</sup>).

<sup>1</sup> Ширяев Б.Н. Неугасимая лампа. Соловецкий монастырь, 2012. С. 118–119.

<sup>2</sup> Там же. С. 321–332.

<sup>3</sup> Акарский С. [Б. Н. Ширяев] Болотный попик / Публ., вступ. ст. М. Г. Талалай, прим. и посл. В.В. Умнягин. // Восток Свыше. 2017. №3(44) С. 85–86.

<sup>4</sup> Клюев Н.А. Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. С. 56.

<sup>5</sup> Ширяев Б.Н. Анахронический заскок / Публ., вступ. ст. М.Г. Талалай, прим. и посл. В.В. Умнягин // Восток Свыше. 2017. №3(44) . С. 91–93.

<sup>6</sup> Ширяев Б.Н. Улиткины рожки // Там же. С. 93–95.

<sup>7</sup> Ширяев Б.Н. Бродяжья абевага // Там же. С. 88–89.

<sup>8</sup> Ширяев Б.Н. Жалостливая чертовщинка // Там же. С. 89–90.

<sup>9</sup> Ширяев Б.Н. Ду-ду в елани // Там же. С. 86–88.

<sup>10</sup> Ширяев Б.Н. Соловецкий Мюнхгаузен // Там же. С. 95–97.

Но деперсонализация не говорит об их вымышленности, внутренней пустоте и порождаемой ею иллюзорности, которая имеет место в романе Я.А. Бухбанда в отношении описанных им людей.

Произведения лагерного периода, хотя и выходили в изданиях, отражавших болезненную абсурдность земного существования, были призваны возвысить читателя над миром нравственных страданий и физических мучений, дать ему некое высшее разрешение переживаемых событий. И в этом смысле литературные опыты Б.Н. Ширяева были не только проявлением полученного им образования, общекультурного развития и религиозного воспитания. Былинное, основанное на живом предании, созвучное монастырской истории и подсказанное опытом соловецкого инобытия осмысление происходящего наложило заметный отпечаток, преобразило творческую деятельность заключенного.

\* \* \*

Нечто подобное происходило не только с автором, но и некоторыми героями «Неугасимой лампы». С одним из них писатель чудесным образом встретился в Италии спустя 20 лет после освобождения из лагеря. В главе «Звон Китежа» Б.Н. Ширяев пересказывает историю человека, которая до какого-то момента очень напоминает биографии героев романа «Соловки», а в чем-то жизненный путь самого Я.А. Бухбанда, но имеет совершенно иное завершение.

В 1905 г. отца рассказчика вместе с другими казаками призвали для наведения общественного порядка. Охраняя банк, глава семейства погиб от руки налетчиков. В качестве компенсации хозяин финансового учреждения передал вдове убитого 10 рублей, что было воспринято станичниками как оскорбление. «Запало мне тогда в сердце это самое слово – банкиры, – говорит герой книги. – Кто они такие, я, конечно, по юности своей понимать не мог, а так мне разумелось, что через них папая жизни решился, и все наши бедствия пошли»<sup>1</sup>.

После разорения хозяйства 13-летний мальчик был вынужден податься в Луганск, где устроился слесарем на завод. Спустя шесть лет он вступил в Первую конную армию и многие годы провел на фронтах, борясь с пресловутыми банкирами, за что был удостоен ордена и получил общественный почет. На Соловках бывший герой-кавалерист оказался за несогласие с действиями властей в отношении инвалидов Гражданской войны, которых выслали из города, а возможно, просто расстреляли за их неблагообразный вид и неблаговидное поведение. В лагере собеседник Б.Н. Ширяева начал задумываться над смыслом жизни. Толчком для внутреннего переворота послужила пьеса «Старый закал» из репертуара местного театра. В ней пожилой полковник, зная о любви своей молодой жены к другому офицеру, не стал мстить ему или посылать того на верную смерть, а сам подставил себя под чеченские пули и погиб в бою. «Я себе так в голове планировал: хорошо, батка мой на посту жизни решился, сполняя свою казачью службу. Понятно. А к чему этот пост, служба эта? Стал бы он за эти десять рублёв служить? Ни в жисть! Своего тогда нам вот как хватало. Чего душа хочет! Нет, он знамени своему, присяге, душе своей служил. Опять же инвалиды наши... они за что жизни решились? А сам я за что в Конную пошел? От одной лишь злобы? Конечно, злобы этой много во мне скипелось за банкировы десять рублёв, за маманины слезы. Это верно. Злобу эту я в крови топил. Тоже верно. А только и я не одной

<sup>1</sup> Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. С. 441.

злостью в бой шел. Вот как этот полковник... Он ведь на жену-то не озлобился, а ее счастья ради подвиг свой смертный совершил. Тут и есть центр удара...»<sup>1</sup>.

Размышляя о поступке сценического персонажа, бывший заключенный приходит к выводу о необходимости жить по совести, исходить в своем поведении из высшего предназначения человека, которое открывается в опыте служения и страданий. Символом жизни для него становится гора, по восхождению на которую перед человеком открывается новое, религиозное по своей сути видение мира: «Вот она, гора-то эта, и есть жизнь человеческая. Трудна она, это, конечно, верно, а на то и дан нам подвиг. У каждого же человека своя гора. Одна – повыше, другая – пониже, а превыше всех – гора Голгофа»<sup>2</sup>.

\* \* \*

Указанная духовная перспектива отсутствует в судьбах литературных персонажей Я.А. Бухбанда. Хотя не исключено, что полгода, проведенные им самим в ожидании расстрела, заставили писателя-революционера встать на путь религиозного осмысления собственной жизни.

При сопоставлении произведений двух ровесников, активных участников одной и той же эпохи, и, одновременно, социальных антиподов, находившихся на фронте по разные стороны передовой, а в лагере – по разные стороны колючей проволоки, обращает на себя внимание различное восприятие ими одних и тех же явлений. Показательным становится отношение к Соловецкому монастырю, в образе которого один автор увидел «цитадель фанатизма» и символ гнетущего прошлого России, другой – «Китеж Град» и торжествующее будущее Отчизны: «Восстанет из пепла и великий монастырь – оплот Земли Русской. Воскреснет Русь, распятая за грехи мира, униженная и поруганная. Страданием очистится она, безмерная и в своем падении, очистится и воссияет светом Божьей правды»<sup>3</sup>.

Тексты Я.А. Бухбанда и Б.Н. Ширяева, отразившие особенности их собственной биографии и тенденции общественной жизни, воплотили в себе две противоположные традиции описания Соловецкого архипелага. Обе традиции складывались в напряженной духовной и эмоциональной атмосфере, которая была определена природно-географическими особенностями местности, ее социальной и сакральной ролью, рожденной в глубине веков. В такой обстановке сформировался многогранный образ русского порубежья, насыщенный чувством преклонения перед святыней, но также презрением и даже ненавистью к ней. Соловки предстают пространством разномыслия, которое усиливается в периоды социальных потрясений, связанных с переоценкой ценностей и формированием новых правил общественной жизни, что было показано на примере оттеняющих друг друга источников.

Сопоставление различных художественных подходов представляет интерес не только с точки зрения изучения локального метатекста или особенностей русского литературного процесса 1920–1930-х гг. Обращение к диссонирующим памятникам письменной культуры подводит к проблеме духовного осмысления отечественной и мировой истории, в основе которой лежат нравственная проблематика и религиозный выбор человека.

<sup>1</sup> Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. С. 444–445.

<sup>2</sup> Там же. С. 447.

<sup>3</sup> Там же. С. 452.

## ЛИТЕРАТУРА

*Акаревич А. [Б.Н. Ширяев]* Густая тишь / Публ., вступ. ст. М.Г. Талалай, прим. и посл. В.В. Умнягин // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 76–82.

*Акарский С. [Б.Н. Ширяев]* Болотный попик / Публ., вступ. ст. М.Г. Талалай, прим. и посл. В.В. Умнягин // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 85–86.

*Бухбанд Я.А.* Соловки. Архив А.М. Горького. Рав-пГ 7-11-2. 1936. 36 л.

*Гордон Г.Г.* «Настоящая семья была у нас только два с половиной года...» // Соловецкий вестник. 1994. №10–11. С. 5.

*Горький М.* Правда социализма // Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: Государственное издательство «Строительство фабрик и заводов», 1934. С. 11–16.

*Горький М.* По стране Советов. V. Соловки // Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. Т. 20. М.: ИМЛИ РАН, 1974. С. 202–236.

ГУЛАГ в Карелии: сб. док. и материалов. 1930–1941. Петрозаводск, 1992. 225 с.

*Жирнов Е.П.* Любил участвовать в исполнении смертных приговоров // Коммерсант-Власть. 2010. №50. С. 70–76.

*Зайцев И.М.* Соловки // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Изд. Соловецкого монастыря, 2014. С. 172–330.

*Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.

*Колчин М.А.* Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М.: Посредник, 1908. 176 с.

*Лихачев Д.С.* Автографы из книги «Неугасимая лампада» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [likhachev.fond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm](http://likhachev.fond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm) (дата обращения: 09.02.2018).

*Лихачев Д.С.* Воспоминания // Воспоминания соловецких узников. Т. 4. Изд. Соловецкого монастыря, 2016. С. 373–511.

*Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 605 с.

*Немирович-Данченко В.И.* Соловки: воспоминания и рассказы. 4-е изд. Киев: Изд. книгопродавца-издателя Ф.А. Иогансона, 1892. 348 с.

*Олехнович Ф.К.* В когтях ГПУ // Воспоминания соловецких узников. Т. 5. Изд. Соловецкого монастыря, 2017. С. 506–577.

*Певак Е.А.* Идеалисты в стране Советов // Воспоминания соловецких узников. Т. 4. Изд. Соловецкого монастыря, 2016. С. 128–132.

Приказ начальника ГУЛАГа ОГПУ с объявлением приговора Коллегии ОГПУ по делу о бандитизме и разложении аппарата в Соловецком отделении СЛАГ ОГПУ от 17 марта 1933 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010308](http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010308) (дата обращения: 02.09.2018).

Приказ ОГПУ №00381 «О расформировании Соловецких исправительно-трудовых лагерей ОГПУ» // Петров Н.В. История империи ГУЛАГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.pseudology.org/GULAG/Glava06.htm](http://www.pseudology.org/GULAG/Glava06.htm) (дата обращения: 02.09.2018).

*Пришвин М.М.* «Ударник» и «Клара» // Колобок. Архангельск: ОГИЗ. Северное краевое издательство, 1936. С. 70–79.

*Протопопов Д.С.* Из поездки в Соловецкий монастырь. М.: Типография Сытина, 1905. 51 с.

*Розанов М.М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параша»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами: В 3 кн. // Воспоминания соловецких узников. Т. 6. Изд. Соловецкого монастыря, 2018. С. 98–526.



- Солоневич И.Л. Россия в концлагере. М.: Римис, 2005. 534 с.
- Сухомлинский В.А. Нравственный идеал молодого поколения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 152 с.
- Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт, 1889. 345 с.
- Чернавин В.В. Записки «вредителя». СПб.: Канон, 1999. 490 с.
- Чирков Ю.И. А было так... М.: Политиздат, 1991. 379 с.
- Ширяев Б.Н. Анахронический заскок // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 91–93.
- Ширяев Б.Н. Бродяжья абевага // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 88–89.
- Ширяев Б.Н. Ду-ду в елани // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 86–88.
- Ширяев Б.Н. Жалостливая чертовщинка // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 89–90.
- Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. Соловецкий монастырь, 2012. 558 с.
- Ширяев Б.Н. Соловецкий Мюнхгаузен // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 95–97.
- Ширяев Б.Н. Сыр // Соловецкие острова. 1926. №5. С. 9.
- Ширяев Б.Н. Тетрадь «Соньки-Глазка» // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 83.
- Ширяев Б.Н. Улиткины рожки // Восток Свыше. 2017. №3(44). С. 93–95.
- Яковлев С.А. Соловецкий архипелаг в воспоминаниях путешественников-иностранцев XVIII – начала XX в. // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. №4. С. 31–35.

## REFERENCES

- Akarevich A. [B.N. Shiryayev] *Gustaya tish'* / Publ., introduct. by M.G. Talalaj, comment. and afterword by V.V. Umnyagin. *Vostok Svyyshe*. 2017. No 3(44), pp. 76–82.
- Akarsky S. [B.N. Shiryayev] *Bolotnyj popik* / Publ., introduct. by M.G. Talalaj, comment. and afterword by V.V. Umnyagin. *Vostok Svyyshe*. 2017. No 3(44), pp. 85–86.
- Buhband Ya.A. *Solovki*. A.M. Gorky's Archive . Rav-pG 7-11-2. 1936. 36 l.
- Gordon G.G. "We only had a real family for two and a half years...". *Solovetsky Vestnik*. 1994. No 10–11, p. 5.
- Gorky M. *The Truth of Socialism*. In: *The Stalin White Sea-Baltic Canal. Construction History* / Eds.: M. Gorky, L. Averbakh, S. Firin. Moscow. "Stroitelstvo fabrik i zavodov" State Publishing House. 1934, pp. 11–16.
- Gorky M. *Through the Country of the Soviets*. V. *Solovki*. In: *Gorky M. The Complete Works: In 25 vols. Vol. 20*. Moscow. A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS Press. 1974, pp. 202–236.
- GULAG in Karelia: Collection of documents and materials. 1930–1941. Petrozavodsk. 1992. 225 p.
- Zhirnov E.P. Liked to Participate in the Execution of Death Sentences. *Kommersant-Vlast*. 2010. No 50, pp. 70–76.
- Zajtsev I.M. *Solovki*. In: *Memoirs of Solovetsky Prisoners. Vol. 2. Solovetsky Monastery Publ.* 2014, pp. 172–330.
- Klyuev N.A. (2003) *Slovesnoe Drevo. Prose*. St. Petersburg. Rostok Publ. 688 p.
- Kolchin M.A. (1908) *Exiles and Imprisoned in the Ostrog of the Solovetsky Monastery in the 16<sup>th</sup>–19<sup>th</sup> cs*. Moscow. Posrednik Publ. 176 p.

Likhachev D.S. Autographs from the Book “Neugasimaya lampada”. [Electronic Resource]: [likhachev.lfond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm](http://likhachev.lfond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm) (date accessed: 09.02.2018).

Likhachev D.S. Memories. In: *Memoirs of Solovetsky Prisoners*. Vol. 4. Solovetsky Monastery Publ. 2016, pp. 373–511.

Maksimov S.V. (1984) *Year in the North*. Arkhangelsk. North-Western Book Publishing House. 605 p.

Nemirovich-Danchenko V.I. (1892) *Solovki: Memories and Stories*. 4<sup>th</sup> ed. Kyiv. Ed. of the bookseller-publisher F.A. Ioganson. 348 p.

Olekhovich F.K. In the Cutch of the GPU. In: *Memoirs of Solovetsky Prisoners*. Vol. 5. Solovetsky Monastery Publ. 2017, pp. 506–577.

Pevak E.A. Idealists in the Soviets Country. In: *Memoirs of Solovetsky Prisoners*. Vol. 4. Solovetsky Monastery Publ. 2016, pp. 128–132.

Order of the Head of the GULAG OGPU with the announcement of the verdict of the Collegium of the OGPU in the case of banditry and the decomposition of the apparatus in the Solovetsky branch of the SLAG OGPU dated March 17, 1933. [Electronic Resource]: [alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010308](http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010308) (date accessed: 02.09.2018).

Order of the OGPU No 00381 “On the dissolution of the Solovetsky corrective labor camps of the OGPU”. In: Petrov N.V. *History of the Gulag Empire*. [Electronic Resource]: [www.pseudology.org/GULAG/Glava06.htm](http://www.pseudology.org/GULAG/Glava06.htm) (date accessed: 02.09.2018).

Prishvin M.M. “Udarnik” i “Klara”. In: Kolobok. Arhangel’sk: Association of State Book and Magazine Publishing Houses. Northern Regional Publishing House. 1936, pp. 70–79.

Protopopov D.S. (1905) *From a Trip to the Solovetsky Monastery*. Moscow. Sytin Printing House. 51 p.

Rozanov M.M. Solovetsky Concentration Camp in the Monastery. 1922–1939: Facts – Speculation – “Parashi”: Review of the Memories of the People of Solovki by the People of Solovki: In 3 books. In: *Memoirs of Solovetsky Prisoners*. Vol. 6. Solovetsky Monastery Publ. 2018, pp. 98–526.

Solonevich I.L. (2005) *Russia in a Concentration Camp*. Moscow. Rimis Publ. 534 p.

Sukhomlinsky V.A. (1963) *The Moral Ideal of the Younger Generation*. Moscow. Academy of Pedagogical Science Publishing House RSFSR. 152 p.

Fedorov P.F. (1889) *Solovki*. Kronshtadt. 345 p.

Chernavin V.V. (1999) *Notes of the “Vreditel”*. St. Petersburg. Kanon Publ. 490 p.

Chirkov Yu.I. (1991) *And it was so...*. Moscow. Politizdat Publ. 379 p.

Shiryaev B.N. Anahronichesky Zaskok. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 91–93.

Shiryaev B.N. Brodyazh’ya Abevaga. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 88–89.

Shiryaev B.N. Du-du v Elani. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 86–88.

Shiryaev B.N. Zhalostlivaya Chertovshchinka. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 89–90.

Shiryaev B.N. (2012) *Neugasimaya Lampada*. Solovetsky Monastery Publ. 558 p.

Shiryaev B.N. Solovetsky Myunhgauzen. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 95–97.

Shiryaev B.N. Syr. *Solovetskie Ostrova*. 1926. No 5, pp. 9.

Shiryaev B.N. Tetrad’ “Son’ki-Glazka”. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 83.

Shiryaev B.N. Ulitkiny Rozhki. *Vostok Svyshe*. 2017. No 3(44), pp. 93–95.

Yakovlev S.A. The Solovetsky Archipelago in the Memoirs of Foreign Travelers of the 18<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> c. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2011. No 4, pp. 31–35.

*Сведения об авторе:*

Вячеслав Вячеславович Умнягин.  
канд. филол. наук  
Православный Свято-Тихоновский  
гуманитарный университет,  
ст. преподаватель

Vyacheslav V. Umnyagin,  
PhD  
St. Tikhon's Orthodox University  
Senior Lecturer  
[solovki-news@yandex.ru](mailto:solovki-news@yandex.ru)